

Анна
ГерманХОТЕЛА ИСПЫТАТЬ
СЧАСТЬЕ...

Творчество и судьба известной польской певицы Анны Герман хорошо известны советским любителям музыки. Но вскоре широкая публика нашей страны впервые сможет познакомиться с ней как с автором книги. «Вернись в Сорренто?» — это произведение, написанное в конце шестидесятых годов, уже дважды переиздавалось в Польской Народной Республике. Недавно книга

переведена на русский язык и в будущем году выйдет в свет в издательстве «Радуга».

Мы предлагаем вниманию читателей фрагменты из этой книги, рассказывающие о начале творческого пути Анны Герман: о том, как она, будущий геолог, впервые оказалась на профессиональной эстраде, и о первом крупном успехе — победе на национальном фестивале песни в Ополе.

эстрады был тогда Юлиан Кшипка — человек, необычайно преданный театру и эстраде. Его режиссура программы, в которой я участвовала, дала мне очень много. Я хорошо узнала характер работы в провинции, вкусила от нее огорчений и радостей. Мы добивались с нашим концертом до самых отдаленных госхозов Жешовского воеводства. С удовольствием заключаю, что, чем больше было расстояние от городов и главных трасс, тем сердечнее нас принимали, тем горячее нам аплодировали.

А встречи, на которых нас угощали бигосом и простоквашей, ржаным, еще теплым, ароматным хлебом, насколько милее все это было бала, где сверкает паркет и льются потоки света!

Именно эта публика первой услышала и одобрила песню «Танцующие Эвридики». И лишь позднее, на фестивале в Ополе, она получила всеобщее признание, дав мне право на участие в Сопотском фестивале.

Таким образом, мне предстояло первый раз выступить в Ополе, исполнить «Танцующие Эвридики».

Я приехала туда ранним утром. Уже на вокзале привлекли внимание плакаты с сердечными приветствиями, обращенными к участникам фестиваля. Город — нарядный, словно невеста, ожидающая свадебную свиту, торжественно готовился к этому событию.

День был чудесный. Первый концерт состоялся при закатном свете солнца, но вечером разыгралась гроза с проливным дождем, какого никогда после я не видала. Достаточно было пробыть на сцене несколько минут, чтобы вымокнуть насквозь, хотя кто-то распорядился держать над солистом зонтик. Музыканты, ничем не защищенные, выливали из инструментов воду, пробираясь на сцену по огромным лужам. Я не раз замечала, что когда промокнешь до последней нитки, то уже просто перестаешь обращать внимание на дождь, и становишься очень веселой. Именно такое настроение царило в тот вечер и на сцене, и в зрительских рядах, откуда никто не уходил. Поначалу зрители, чтобы спастись от дождя, прятались под зонтиками, накрывались плащами, платками, газетами, но дождь в тот вечер не думал переставать, лил как из ведра, с какой-то немолчаливой последовательностью, затопляя все вокруг на земле. И хотя общеизвестно, что всемирный потоп некогда уже случился, возникла мысль: уж не повторится ли он нынче?

Было сыро, но не холодно, хотя ртутный столбик показывал всего несколько градусов тепла. Было весело и жарко! Аплодисменты, возгласы «браво!» в равной мере подогревали как самих зрителей, так и артистов. Мы радовались и веселились вместе, как дети, которым вдруг позволили предаться любимому развлечению — бегать босиком по лужам. Атмосфера, царящая на опольских фестивалях, имеет, на мой взгляд, особое, неповторимое очарование. И не только атмосфера на главной сцене, но и на других, меньшего масштаба фестивальных концертах чувствуешь себя «как дома». Возможно, прежде всего потому, что здесь только свои, что вокруг — родные стены, что поют только по-польски и о том, что важно главным образом для нас самих. Ведь тут нет гостей, привезших с собой дыхание далекого мира — интересно, но все-таки чужого. Может быть, оттого столь милы моему сердцу фестивали в Ополе больше, чем международные фестивали в Сопоте.

Я пела в Ополе дважды, и оба раза судьба была ко мне благосклонна («Танцующие Эвридики» и «Зацвету розой»). Доведется ли мне еще когда-нибудь спеть в этом городе? Говорят, что третьего раза не миновать. Сколь бы ни был человек счастлив, все ему мало...

Мне хотелось бы, впрочем, не только третий раз спеть на опольском фестивале, но выступить и вне конкурса. И не потому, что, подобно Морису Шевалье, почувствовала бы пресыщенность славой и почестями, и не из опасения перед возможным провалом. Просто пусть соревнуются другие, переживают волнительные минуты перед тем, как жюри огласит вердикт, пусть другие радуются потом своей победе. Действительно это неповторимый момент — услышать сообщение: «Песня... композитора... на текст... в аранжировке... в исполнении... присуждается... первое место!»

При звуке собственного имени мурашки пробегают по телу, а душу захлестывает волна безумной, невыразимой радости. Бросается кому-то на шею: чаще всего наши поделуи и обятия достаются попросту тому, кто ближе стоит, мы совершенно не думаем, приятны ли человеку эти бурные ласки. Я специально употребляю такие безличные обороты, поскольку почти все обладатели наград, призовых мест на фестивалях в своей стране и за рубежом реагируют на это более или менее одинаково. С той маленькой разницей, что лично я никогда не могу повиснуть на чей-либо шее. Мешает рост.

Лучшие песни с опольского фестиваля бываю представлены в Сопоте, на международном фестивале песни.

Кстати, хотелось бы подчеркнуть, что успех песни складывается не только из хорошей мелодии, хорошего текста и хорошего исполнения. Очень важна, порой играет даже решающую роль, музыкальная опора вещи, аранжировка, которой, как мне кажется, у нас недостаточно придают значения.

Мне просто повезло с «Танцующими Эвридиками». Мелодия хорошо ложилась на мой голос, текст, который создавал легкий, будто акварельный образ, необычайно понравился мне, аранжировщик одел Эвридик в прелестную, воздушную тунику, а целое осуществил превосходный оркестр Стефана Рахоня. Лучший среди наших оркестров, а также и среди зарубежных.

Хотела бы я испытать такое полное счастье в будущем при исполнении других, новых песен...

Перевод
Р. БЕЛЛО.
Фото Э. Ушенича.

Все шло очень весело и приятно вплоть до моего номера. Это было мое первое публичное выступление в настоящем театре. И вот, едва я вышла на сцену, как вокруг начали твориться странные вещи. Для атмосферы моих баллад вполне подошел бы полумрак, но почему же полная темнота? В первые мгновения я еще различала какие-то лица, но затем очутилась в черной, глухой пропасти.

Я забыла текст песни и вообще забыла, ради чего сюда пришла. Кто-то из-за кулис подсказывал мне начальные строки.

Не помню уж, сколько раз я сбивалась, не помню реакции публики, не помню, как преодолела десяток шагов обратно, за кулисы. Помню, что была обижена на весь свет, но прежде всего корила себя за то, что не оправдала ожиданий, что не смогла подарить зрителю выношенного, что... проиграла.

Я не пошла вместе со всеми веселиться после концерта. Вернулась в нашу туристскую гостиницу, взобралась на свою верхнюю койку и уснула в угнетенном состоянии духа.

Нехватка времени и... торжество здравого разума над «душой артистки» явились основной причиной моего выхода из «Каламбура»...

Близилась каникулы. Большинство студентов на летние месяцы подыскивали себе какую-нибудь работу, чтобы «подшопотать» дыры в своем бюджете. Мои товарищи решили поехать в сельскую местность, на «градобитие», как назывались работы по выяснению ущерба, нанесенного стихийными бедствиями.

Я бы тоже, вероятно, отправилась на «градобитие» (хотя меня и отталкивало всякое занятие, связанное с математическими действиями), если бы не Янечка.

Да, именно Янечка, моя сокурсница, жившая в соседнем доме, с самого начала нашего знакомства (то есть с седьмого класса) считала, что мое истинное призвание — петь. Не отрицаю, пела я всегда охотно, когда бы и кто бы того ни пожелал: и на школьных, а позднее и на студенческих торжествах, и дома для гостей. Впервые я исполнила песенку, будучи еще малолеткой, на детском новогоднем празднике, под огромной елкой. Моя мама тогда была учительницей начальной школы, и в ее обязанности входила между прочим организация детских праздников, спектаклей и т. д. Но никогда не думала я, что пение станет моей профессией. Я пела исключительно для собственного удовольствия, мне даже в голову не приходило, что к пению можно относиться как-то иначе.

Тем временем Янечка, отнюдь не принадлежавшая к числу смелых, так называемых пробивных людей, отправилась однажды без моего ведома в дирекцию Вроцлавской эстрады и попросила, чтобы меня прослушали. Получив обещание, она в назначенный день привела меня туда силой (силой убеждения, разумеется, поскольку была гораздо ниже меня), и я предстала перед художественным руководством.

Меня включили в новую, только еще формировавшуюся программу. Мне была гарантирована астрономическая, по моим тогдашним понятиям, сумма: четыре тысячи злотых в месяц.

В концерте принимали участие несколько певцов, четверо артистов балета, группа музыкантов и два актера, которые все эти отдельные номера славляли в нечто целое: Ян Скомпский в роли доблестного морехода Синдбада и Анджей Быховский в роли... экипажа. В портах, куда заходил корабль, звучали песенки, танцевали девушки, играла музыка — как это бывает в любом порту мира.

Поэтому приходилось молниеносно сменять костюмы и петь (в зависимости от страны) на испанском, итальянском, немецком, русском языках, а в заключение в родном порту — на польском.

Поскольку концерт представлял собой не обычную сборную программу, а был объединен сюжетом, то мы возили декорации, имитирующие палубу судна. Для всех участников были сшиты специальные костюмы, с помощью которых мы сменяли не только национальность, но и цвет кожи. Больше всего хлопот и смеху доставляло переодевание и грим для «африканского порта». В страшной спешке необходимо было сбросить предыдущий костюм, натянуть темно-коричневое трико и выкрасить лицо, шею, уши и ладони гримировальной краской, невероятно похожей на сапожную ваку «киви». Танцовщицы располагали к тому же еще черными завитыми паричками.

Я относилась к своей работе с полной ответственностью и потому неизменно педантично, как если бы от этого зависел успех всего концерта, покрывала толстым слоем краски все, что не было закрыто трико. Но, несмотря на добросовестность и старание, я, вероятно, выглядела весьма комично и вряд ли даже отдаленно напоминала негритянку, ибо на тщательно окрашенной шее абсолютно нелогично торчала светловолосая голова. Мне, помнится, не хватало парика.

Программа была почти уже готова до того, как «зачислили» меня, так что вскоре я заявила домашним: «Завтра выезжаем! Сначала в Нижнюю Силезию, а потом на побережье!»

Впервые я уезжала надолго. Я всегда была «домашней», даже в общегитирии никогда не жила. Так что моя поездка стала событием, равным по масштабу трансконтинентальному путешествию.

Программа наша понравилась и в Нижней Силезии, и на побережье. Работы у всех было выше головы. Едва успевали переодеться и гримироваться для очередной сценки. Может, это было и к лучшему: все свертвалось в таком бешеном темпе, что на раздумья и волнения просто не хватало времени.

Вспоминаю, как получила я свою первую зарплату. Мои первые, собственным трудом заработанные злотые. Мы выступали тогда в каком-то маленьком городке на побережье, и вот прямо из комнаты нашего руководителя, выдававшего деньги, я отправилась на поиски каких-нибудь подарков для мамы и бабушки. В тот же день послала домой подарки, а одновременно и остальную сумму.

Обычно говорят, что первая любовь запоминается на всю жизнь. Согласна, однако считаю, что не одна только любовь. Переполювшее мою душу там, на почте, чувство радости и удовлетворения было столь сильным, что вряд ли оно забудется.

Когда закончилось турне и я вернулась домой, бабушка, увидев меня, устало, похудевшую, заломила руки. Относительно же тех четырех тысяч злотых... Я убедилась, что это был весьма приличный заработок, но (увы) в условиях нормальной, стабильной жизни.

Думается, что люди, не сталкивающиеся непосредственно с жизнью эстрадного артиста, туманно представляют себе, как проходит его день в турне или «на выездах». Группа размещается в одном каком-либо месте, в гостинице — это «база», откуда артистов возят на выступления и куда они после возвращаются. Возвращаясь ночью на «базу», мы, бывало, дрожали от холода. И хотя в автобусике существовало отопление в виде толстой, тянущейся посередине трубы, мы неохотно пользовались исходящим от нее теплом. Стоило кому-нибудь из нас, усталых, сонных, неосторожно коснуться трубы рукой или ногой, как тут же раздавался возглас: «Ой, жжется!»

Приехав на место, нужно сперва разложить вещи, проверить микрофоны, прорепетировать с музыкантами те фрагменты песен, в которых не очень уверена, и лишь потом, если останется время, можно забежать в ресторан перекусить. После концерта (иногда двух или трех) запаковать вещи, умыть (если есть где) и снова на «базу». Бывало, приедем поздно, ресторан закрыт, и тогда ужин заменяли бутерброды, оранжад, яблоко, а нередко лишь мечты о них.

Итак, поскольку большинство из нас не были полноправными эстрадными артистами, руководство Вроцлавской эстрады организовало для нашей группы поездку в Варшаву на экзамен. Экзамен состоял из двух частей — теоретической и практической. Я спела песенку, после чего сошла в зрительный зал, где сидели члены экзаменационной комиссии. Спрашивали они меня недолго. Действие драмы «Салемские колдуньи» Артура Миллера я перенесла в Англию... и, может, поэтому (а может, не только поэтому) не сдала экзамен. Очень тяжело пережила я эту двойку. Пожалуй, тяжелее, чем провал на экзамене (первый и последний) по кристаллографии у любимого профессора.

«Все же я представила свою дипломную работу и успешно, на пять, сдала магистерский экзамен. Это было в 1962 году. В том же году я попыталась еще раз «гегализоваться» на эстраде. На сей раз удачно.

Разумеется, справка о сданном квалификационной комиссии экзамене далеко не равна диплому об окончании факультета эстрады, но и такой документ давал мне радостное сознание, что я чего-то стою и отныне на равных правах с «настоящими» артистами. Можно было, следовательно, начать «сезонную» работу в Жешовской эстраде. Вспоминаю то время с теплым чувством. Польза была несомненная. Со ступеньки на ступеньку — такое движение по творческому пути представляется мне и верным, и справедливым. Вначале надо проверить, есть ли у тебя что сказать зрителю, слушателю и нужно ли ему это. Действительно ли твоя работа приносит тебе внутреннее удовлетворение, а не просто лстят самолюбие? Влекущая к себе сцена, огни рампы, аплодисменты публики — не есть ли это всего лишь «состояние влюбленности»?

Мне кажется, именно работа на периферии является превосходной проверкой. Всякий вечер меняются условия, сцена, атмосфера в зрительном зале. Здесь постигаешь весьма непростое искусство жить в коллективе, умение быстро подстраиваться и перестраиваться — и тем самым приобретаешь многое, что необходимо на сцене. Впоследствии, если проверка прошла успешно, если «сценическая баццала» вызвала «неизлечимую болезнь», можно попробовать показать свое искусство публике в других странах.

Художественным руководителем Жешовской